

Инженерно-технические ИСТИНЫ

О состоянии инженерно-технического образования России — одного из главных достижений отечественной высшей школы рассказывает член-корреспондент Российской Академии наук, президент Московского государственного горного университета Лев ПУЧКОВ.

— Реформаторы быстро получили обратный сигнал из промышленности и высшей технической школы о том, что бакалавризация технического образования приведёт к тяжёлым последствиям в промышленности и других сферах инженерного труда. Дело не только в традициях и терминологии — вся структура производства в России построена на фундаменте инженерного труда. Инженеры занимают все организационно-технические должности: от сменного мастера до главного инженера предприятия. Именно на пятом курсе студенты завершают свою общенаучную и общеинженерную подготовку изучением системных дисциплин технологической безопасности, проектирования, организации отраслевого управления. Без такого системного завершения подготовки инженерная мысль на практике не работает, и потребуются большие затраты и реорганизация производства, чтобы довести инженера до приемлемого уровня.

Все эти и другие истины, свойственные не только инженерно-техническому образованию, были квалифицированно и своевременно обоснованы и доложены в органы исполнительной и законодательной власти Российской Федерации. Половинчатые решения в этой области были приняты в Постановлении Правительства РФ № 1136 от декабря 2009 года. Правда, выяснилось, что законом «Об образовании» уже вычеркнуты из вузовской практики понятия «инженер», «врач» и многие другие, заменённые более обобщённым и безликим понятием «специалист». Яркий пример того, как простой терминологической заменой можно унизить необходимых обществу людей в масштабе всей нации. Терминологию, однако, можно ис-

правлять. Более серьёзные последствия такого подхода уже сегодня ощущаются в экономике страны, и это только начало. Вслед за всеобщим бакалавриатом и частными вузами, обильно усеявшими чертополохом поле высшей школы, неизбежно встанут вопросы расчистки этого поля, и вновь главными объектами станут инженерно-технические вузы. Их, как и всю высшую школу, начинают ранжировать: ведь средств на всех при бакалавро-магистерском подходе всё равно не хватит, а профессора и доценты, несмотря на мизерную, постыдную даже для слабой, развивающейся, страны зарплату, не уходят из вузов и продолжают работать на благо России. Отсюда появление «федеральных», «национальных», «исследовательских» университетов. Конечно, инженерно-технические вузы отличаются от других по качеству подготовки. Конечно, высшая школа динамична, вузы могут организовываться и реорганизовываться, однако должны сохраняться базовые профессиональные принципы, которые, между прочим, свидетельствуют, что невозможно за короткое историческое время создать ведущий вуз, что в основе деятельности любого высшего учебного заведения лежит работа творческих коллективов, профессионально связанных между собой через научные школы, исследования, что вуз должен обладать солидной и компактно расположенной капитальной материальной базой: учебные корпуса, общежития, система обслуживания. В инженерно-технических вузах требуется также мощное научно-техническое оснащение лабораторий, технических центров, конструкторских бюро и т. п. Всё это эффективно работает только в единой, хорошо отлаженной системе.

Федеральные, национальные и другие статусные вузы должны возникать в результате внутреннего развития, вследствие исторического движения, благодаря традициям и достижениям. Когда они создаются извне, комиссиями административного голосования, где, как известно, прежде всего решаются проблемы членов комиссии, а всё остальное — по остаточному принципу, когда административно объединяются совершенно разные по профилю вузы, тогда потерь бывает больше, нежели приобретений.

Именно такую картину мы наблюдаем сейчас во многих реорганизованных вузах. Считается, что главный фактор развития вуза — финансирование. И вот вновь объявленный без достаточных на то оснований «ведущий» вуз получает деньги. С опозданием, с административным давлением побыстрее «освоить» средства, с коррупционными составляющими и немислимым в реальной жизни контролем-бумажным регулированием. И оказывается, что деньги, при всей их важности, — не главное. Более того, они становятся обузой, потому что даже честный и творчески одарённый ректор неспособен в таких условиях дать необходимые импульсы развития науки и образования в вузе.

Что касается вузов, руководители которых получили статус ведущих просто по протекции и коррупции (а таких достаточно), то они вырабатывают тактику экспансии на те вузы, которые этой чести не удостоились. Приведём конкретные примеры.

В Москве это, например, Высшая школа экономики, ставшая за поразительно короткий исторический пери-

од «ведущей», в основном, в сознании олигархическо-аристократических кругов управления страной. Может быть, потому, что в ней обучаются дети этих «кругов», может быть, по каким-то неведомым нам глобальным причинам, но факт есть факт: финансовый пузырь этого вуза объёмен. Заработная плата профессоров в таких вузах в среднем в несколько раз выше, чем в инженерно-технических. Считается, что это — результат крупных исследований, выполняемых учёными вуза, в том числе в области реформ высшей школы. Не берусь судить строго о их достижениях в области экономики, но те научные труды, которые мне пришлось прочесть по служебной необходимости, на мой, инженерно-технический, взгляд, ничего общего с научными исследованиями не имеют, так как в них отсутствует научная логика и знания. Простой перевод, копирование документов, регулирующих образование в других странах. Но даже качественный перевод с одного языка на другой никогда не считался научной деятельностью. Да и деньги, так или иначе, берутся из госбюджета.

Носителями рыночной экономики в общество брошен современный слоган: «Если ты такой умный, то почему ты такой бедный?» Но отмеченный выше факт деятельности преподавателей университетов на благо России свидетельствует, что историческая и массовая тяга людей России к интеллектуальному богатству не только не иссякла в условиях сплошной долларизации мышления, но и сохраняет свою мощь. Учёные и профессора университетов знают собственную цену и свою роль в развитии российской цивилизации.

Но хочу сказать о другом, несколько переиначив рыночный лозунг. Если вы такие богатые, то почему вы вам не пойти по пути развития любого солидного университета в мире, то есть запроектировать весь университетский комплекс с учебными зданиями, лабораториями, аудиториями, кабинетами, с инфраструктурой проживания и всестороннего обслуживания студентов — и реализовать этот проект.

Но это — путь реальной экономики, а он для современного поколения реформаторов неприемлем: слишком трудоёмко, долго и умения не хватает. Поэтому эффективнее использовать коррупционердерскую экономику, изъять недостающее у других объектов высшей школы. Инженерно-технические

вузы в этом отношении представляют лакомый кусочек, потому что они всегда материально развивались за счёт отраслей промышленности, для которых готовят кадры, и за счёт собственных усилий. Отсюда — изъятие общежитий у одного, вспомогательных корпусов — у другого инженерного вуза. Обоснование несостоятельности инженерных вузов, используемые при таких операциях, весьма примитивны. И эти действия реализуются Министерством образования и науки РФ без понимания последствий для промышленности.

Другой пример. Конечно, высшая школа в лице её руководителей не избежала изъянов экономической системы: зачем делать дело, когда можно сразу делать деньги. Ректор Научно-исследовательского университета «МИСиС» Дмитрий Ливанов, похоже, усвоил эти методы не хуже тех, кто их создавал и внедрял в экономику России. За пару лет этот в целом неплохой инженерно-технический вуз, входивший в третью десятку национальных рейтингов технических университетов России, стал и федеральным, и национальным, и исследовательским, получив немалые деньги на развитие. Но снова оказалось, что не в деньгах дело. Оказывается, нет хороших идей и программ исследований, нет достаточных знаний и опыта оперативного управления университетом, в том числе и профессорским корпусом, который может делать чудеса только при творческом подходе руководителей к многогранным проблемам университета. Выясняется, наконец, что не хватает и учебно-научных площадей, а их не заменишь деньгами. Надо строить, надо создавать. Не получается. И здесь взгляд одарённого свыше ректора падает на соседние, тоже инженерно-технические вузы: текстильный и горный университеты. К первому, впрочем, уже «присмотрелась» ВШЭ, а горный — вот он, рядом, ведь оба вуза вышли в своё время из одной Московской горной академии. И горный всегда строится, всегда ремонтируется, потому что без этого нет движения вперёд. И сейчас на границе с МИСиСом на инвестиционной основе возводится новый корпус, предназначенный как раз для инновационных разработок, которых МГГУ не занимать, — они известны и работают и в России, и далеко от её пределов.

Изъять основное имущество у такого инженерно-технического вуза, на протяжении последних 15 лет входившего в первую пятерку тех-

нических университетов по официальным рейтингам министерства образования, даже в современной России не просто — слишком мощной будет отдача и со стороны корпуса горных инженеров, и, главное, со стороны тех, кто определяет развитие национальной экономики и обеспечение национальной безопасности. Эти люди, несомненно, должны представлять себе, кто же будет разрабатывать более 2000 месторождений полезных ископаемых на территории России, если базовый горный университет, стоящий во главе всей системы высшего горного образования страны более 40 лет, системы, которая признана ведущей в горнодобывающем мире, вдруг в одночасье интегрируется в более слабого соседа. Но такие соображения для реформаторов высшей школы неведомы, так как их отличает полное отсутствие государственного подхода к проблемам инженерно-технического образования, которое выполняет не столько функцию удовлетворения потребности личности в образовании, сколько прямым образом развивает экономическое и оборонное могущество страны.

Поэтому — какое дело до этих аргументов новым реформаторам? И вот уже ректор МИСиС выступает на конференции коллектива университета и объявляет, что всё уже «схвачено», что решение об интеграции с Московским государственным горным университетом (читай «его ликвидации») уже принято: министр вот-вот подпишет приказ, что вот такие-то кафедры, может, нам понадобятся, а остальные — это их дело...

Помимо приведённой выше аргументации, возникает чисто юридический вопрос: с каких это пор инженерно-технические вузы создаются, реорганизуются или ликвидируются приказами министра образования и науки, при всём нашем к нему глубоком уважении? Создание горных вузов России в царское время осуществлялось указами российских императоров, в советское — решениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР за подписями Генерального секретаря и Председателя Совмина. Неужели уровень значимости этих вопросов так понизился?

Хочется надеяться, что во всех процессах дальнейшего движения высшей школы на первое место будут всё же ставиться интересы общества и государства, а не амбиции и протекции отдельных групп, способных привести к краху инженерно-технического образования страны.